

Н.В. Проданик

**МЕТАФОРА «КНИГА-ПИЩА» В ПИСЬМАХ,
ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕКАБРИСТОВ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАДАЦИЯ**

Аннотация. *Изучается язык библиометафорики в дневниковых записях, эпистолярно-мемуарном наследии декабристов 1826–1840-х гг.; основной областью исследования становятся высказывания В.К. Кюхельбекера и братьев Бестужевых о книгах и чтении. Анализируется одна из ведущих метафор, выявляющих ценность книги на каторге и в ссылке, – «книга-пища» и ее семантические вариации: «книга-духовная пища / пища для ума / легкая пища / лакомство», а также определяются генезис, смысловое наполнение этих метафорических выражений, их ценностная градация, демонстрирующая интеллектуальные и эстетические предпочтения авторов.*

Ключевые слова: *М.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, библиометафорика, дневник, мемуарно-эпистолярное наследие декабристов, метафора «книга-пища».*

В истории культуры книга не раз оказывалась в центре внимания и выступала причиной происходящих перемен: так, переход от рукописного текста к печатному придал импульс просвещению и распространению наук. Уменьшение книжного формата привело к формированию личных библиотек и утверждению идей сентиментализма: карманная книга оказалась верным спутником прогулок «чувствительного человека», а ее содержание послужило эстетическим образцом для возникновения и выражения человеческих чувств [1. С. 123].

Появление библиологии, науки о книге, стало своеобразным итогом возрастающего интереса к печатному феномену. И хотя в качестве отдельной области знания библиология складывалась еще в XVIII в., до сих пор уточняются и оспариваются ее статус в качестве самостоятельной гуманитарной науки, ее исследовательские аспекты и методы. Интенции времени требовали от ученых то

видеть в книге продукт социума и способ распространения знаний (такова была стратегия советского литературо- и библиоведения), то обязывали осознавать текст как континуум мыслей, психологического склада народа и культурной эпохи (так к изучению книжного феномена подходили литературные критики во второй половине XIX в., а затем и литературоведы, культурологи в конце XX – начале XXI в.) [2. С. 85–91].

Сегодня, по мнению зарубежных и российских ученых, гораздо продуктивнее выглядят многоаспектные аналитические стратегии, в которых изучение идейно-смыслового содержания книги дополняется определением семиотической природы произведения, рассматриваемой через призму культурной эпохи, и не упускается из виду филологическая составляющая – поэтика текста. Одно из таких суждений принадлежит Е.П. Шеметовой, которая настаивает: книга – «...это текстовый символический (знаковый) элемент системы intersубъективной социокультурной коммуникации» [Там же. С. 92]. В начале XXI в. ярким примером такого полиаспектного подхода стал международный симпозиум «История книги и литературных культур» в Лондоне; открывая его, один из организаторов, И. Уиллисон, призвал сделать изучение Книги центральной проблемой для литературной, культурной и социальной истории мира [3. С. 39].

В нашей статье областью изучения стал конкретный период истории русской литературы и книжной культуры: мы обратились к переписке, воспоминаниям и дневниковым заметкам декабристов, к их эпистолярно-мемуарному наследию преимущественно 1826–1840-х гг. Сохраняя актуальную многоаспектность зрения, мы ставили задачей показать, что значимость чтения и книги подтверждается не только статистически (сколько прочитано произведений) или культурно-исторически (какие тексты мировой культуры выбирали декабристы, какие авторы были для них предпочтительны). Полагаем, что ценность книги аргументирована поэтикой декабристских высказываний, точнее сказать, библиометафорой, она и стала объектом нашего поиска.

Для начала приведем несколько значимых фактов: исследователи, восстанавливая круг чтения декабристов в Сибири, дают

длинный список научных трудов по философии, математике, географии, геологии, праву, астрономии, этнографии и другим отраслям знания, а также не менее пространный перечень художественных текстов. В нем есть имена Гомера, Шекспира, Карамзина, Пушкина, Монтеня, Байрона, Вальтера Скотта, Сильвио Пеллико, всех не перечислить, мы здесь указали лишь те, что вызвали эмоциональный отклик у большинства декабристов, и тому есть подтверждения в дошедших до нас библиотеках, в переписке, мемуарах и дневниках [4, 5].

Особенно много сохранилось воспоминаний о чтении декабристов в пору работы «каторжной академии», которая была устроена в Петровском Заводе, когда ослабели запреты, в том числе запреты на чтение. Создавая карандашные и акварельные портреты своих товарищей в камерах Петровского острога, Н.А. Бестужев часто изображал их читающими: над книжным страницами склонились М. Бестужев, Ф. Вольф, читает за столом неизвестный декабрист [6. С. 319–232]. Один из участников «каторжной академии» А.П. Беляев приводит тематическую панораму чтения (обратим внимание, что декабристами читались не только чужие, но и свои тексты, написанные уже в Сибири): «В этом замке в середине устроено было особое большое здание... В этой зале происходили... публичные чтения из разных отраслей знания. Здесь читал математику по Франкеру Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин... Спиридов читал свои записки на историю Средних веков, Оболенский читал философию, Одоевский курс, им составленный, русской словесности с самого начала русской письменности и русскую грамматику его сочинения. Другие читали свои переводы, в том числе и мы с братом, кажется, из Красного морского разбойника. Тут также были прочтены некоторые песни из поэмы “Василько” Одоевского и другие его стихотворения, из коих некоторые и напечатаны...» [7]. Заметим, книга в Сибири не только читалась, но и создавалась.

Чтобы почувствовать, насколько нужны и важны были печатные издания участникам декабрьского восстания в петербургском тюремном заточении, а позже и на каторге, в ссылке, необходимо

обратиться не только к истории, приводя статистические данные, но и к поэтике – метафорическому языку дневников, писем и мемуаров. О насущной потребности чтения в эпистолярно-мемуарном наследии декабристов говорит библиометафора «книга-пища»: она обладает широким семантическим спектром: от «книги-духовной пищи» до «книги-лакомства» и «легкой пищи»; ее отличает частота употребления (метафоры «книга-пища» и «книга-друг / собеседник» самые частотные в записях В.К. Кюхельбекера, М.А. Бестужева). Декабристы представляли литературное произведение другом и необходимой питательной субстанцией, иначе говоря, импульсом мыслительного процесса, а в раздумьях над текстами даже на каторге чувствовали себя свободными людьми. Так, находясь в Якутске, Александр Бестужев признавался с долей иронии: «Я здоров благодаря богу и благодаря великодушию монарха, дышу свободно, живу уединенно и беседую более всего с неизменными друзьями – книгами, и нередко Анакреон-Муром летаю в Индию и Америку. Воображение есть лучший ковер-самолет...» [8. С. 493]. Подлинным чтением Александру Бестужеву виделось только то, которое подчинялось правилам: «читать много», «не всему верить», «все обсудить», поскольку «...свой ум лучше чужого остроумия...» [Там же. С. 494].

Эти слова о чтении были адресованы младшему брату Павлу Бестужеву. В воспоминаниях другого брата, Михаила Бестужева, мы находим одно из первых упоминаний о «книге-пище». Уже 18 декабря 1825 г. он был заключён в Петропавловскую крепость и позднее так вспоминал о чтении девятого тома «Истории государства Российского»: «Я предался чтению с каким-то лихорадочным чувством любопытства. Было ли это удовольствие *вкусить духовную пищу* после томительной *голодовки* (здесь и далее курсив мой. – Н.П.) или смутное желание взглянуть поближе в глаза смерти... я не знаю... Но я читал... перечитывал... и читал снова каждую страницу» [9. С. 114]. Мучительные переживания заключенного и его мысли о смерти были обусловлены собственным положением и содержанием тома – рассказом о жестокостях правления Иоанна Грозного. Однако в цитате очевиден и другой,

жизнеутверждающий полюс: текст можно «вкусить» как спасительную «духовную пищу». С нашей точки зрения, в этих словах слышна отсылка к древнерусской метафоре «книга-пища», выступающей генезисом для метафорических фраз М. Бестужева.

Именно в древнерусской культуре чтение представало приобщением к религиозной истине, буквально ее вкушением. Так, Иоанн Богослов в тексте Апокалипсиса утверждал, что смысл происходящего он постиг, «поедая» книгу – горько-сладкое Божие слово: «И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойдй, возьми раскрытую книжку из рук Ангела... И пошел я к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка как мед. И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моём» [10. С. 282; Иоан. гл. 10, 8–10]. Семантика вкушения здесь свидетельствует о глубине понимания изреченного Богом: за поверхностной сладостью слов оказываются скрыты горькие истины.

Вдохновение, которое нисходило с небес на автора, тоже представало «питательным», оно наполняло писательские уста: в Житии Авраамия Смоленского святость Авраамия была подчеркнута и тем, что «он кормился словом Божиим, как трудолюбивая пчела, облетающая все цветы и приносящая и готовящая себе сладкую пищу...» [11. С. 33]. Поясняя питательную природу древнерусской книги на примере еще одного текста – «Слова на собор святых отцов», Д.С. Лихачев называет церковного писателя глашатаем божественных истин, получающим свой дар слова от Бога [12]. Эти смыслы различимы в строках «Слова»: «...прошу от Бога дара слову на прославление святых Троица, глаголетъ бо: Отвързи уста своя и напълню я» (цит. по: [12]). Как видно из цитат, метафорический комплекс, описывающий природу писательского вдохновения (готовил «сладкую пищу») и чтения – кропотливого труда («кормился словом Божиим», «как трудолюбивая пчела» облетал «все цветы»), восходил к библейскому сюжету духовного окормления Богом-отцом чад своих («Отвързи уста своя и напълню я»).

Михаил Бестужев, говоря о вдумчивом многократном чтении «Истории государства Российского» (точно фраза звучит: «читал и перечитывал»), ведет себя так же, как религиозно настроенный древнерусский читатель: узник тщательно обдумывает – «пережевывает» смысл текста, чтобы проникнуть в суть. Он нуждается в книге, как в хлебе насущном, а без нее испытывает духовный голод. Конечно, аллюзии, уводящие нас в древнерусскую культуру, религиозную по своему духу, не связаны с содержанием тома: все-таки перед нами издание Карамзина, а не сакральный текст. Однако древнерусские ассоциации в употребленной М. Бестужевым метафоре «книга-духовная пища» вполне возможны; они подкрепляются следующим фактом: в качестве «величайшей милости» узникам выдавалось Евангелие. Как пишут исследователи, именно на полях разрешенного Евангелия М. Бестужев записывал «иероглифами» свои мысли и планы будущих творений [4. С. 8]. Так соплагались, удивительным образом пересекались в пространстве Евангелия священная история и авторский, творчески свободный импульс. Пересечение разных семантических пластов различимо и в воспоминаниях декабриста о встрече с произведением Н.М. Карамзина: здесь звучит горькое осознание губительной природы власти и слышится надежда на духовно спасительное чтение.

Созвучны высказываниям М. Бестужева о книге как о духовной пище оказались дневниковые заметки В.К. Кюхельбекера. Уже находясь в Свеаборге, поэт сокрушался: «Когда у меня вышли книги, я боялся скуки: но... мы же молимся: “Хлеб наш насущный дождь нам днесь”. Хлеб для души от того же бога, от которого хлеб, поддерживающий наше тело; буду уповать на него и твердо я уверен, что он, милосердый, не оставит меня без *пищи духовной*...» [5. С. 94]. В.К. Кюхельбекер объяснял природу такого чтения довольно сложно: по его мнению, за напечатанными словами скрывается высшая область, «где владевает дух», а путь к ней подсказывает «одоухотворяющее воображение» [Там же. С. 144]. Опорой, или, как говорит сам поэт, спасительной «книгой жизни», для него была Библия. Он припоминает случай, когда в Священном Писании искал поучительную притчу для своего обидчика:

«...в книге жизни я искал смертельного яда; но вместо яду отец мой небесный подал мне *горькое, но спасительное лекарство...*» [5. С. 216]. Этот фрагмент дневника насыщен религиозной библиометафикой, вновь отсылающей к древнерусской культуре: здесь Библия – это книга жизни, дар Божий; здесь ассоциативно дает о себе знать библейский сюжет духовного окормления Богом чад своих; здесь представлено духовное взросление читателя – осознание им важности прощения, а не суда.

Записывая события дня в своем «Дневнике», поэт всегда делал акцент на прочитанном произведении, давал ему оценку, отмечал, над какими переводами и своими сочинениями продолжал работу, сетовал на то, что томился в отсутствии книг. В.К. Кюхельбекер даже процесс собственного творчества осмыслял в гастрономической метафорике – скрытую метафору «аппетит творчества» находим в следующей записи: «Без книг, конечно, скучно, но при книгах я, может быть, не принялся бы опять за греческий язык и, вероятно, бросил бы “Ивана, купеческого сына”, которым, признаться, и по сию пору занимаюсь почти нехотя: *mais l'appetit viendra en mangeant...* но *appetitus* приходит во время еды...» [5. С. 97]. «Аппетит заниматься» в данном случае говорит о возрастающем в процессе творчества желании писать и создавать. Постоянная и напряженная духовно-мыслительная работа поэта над своими и чужими книгами была прервана лишь наступившей слепотой. Лишенный возможности читать, он горько восклицал: «Так бы и нырнул я в чтение, / Им бы душу освежил...» (В.К. Кюхельбекер. Слепота) [13. С. 274].

Однако при всей интенсивности мысли, которую демонстрирует дневник поэта, согласимся с исследователями: Кюхельбекер очень тяжело переносил «лишение культурной среды и культурной пищи» – свое вынужденное отдаление от современной интеллектуальной жизни России и Европы. Потому-то неподдельная радость слышится в другой его скрытой библиометафоре – «книглакомство»: «Не читал я, а, скорее сказать, *лакомился* стихотворениями Скотта: пробежал только начало первой его поэмы “*The Lay of the Last Minstrel*”: каждый стих – капля нектара для человека,

который так давно не читал ничего *нового* хорошего...» [5. С. 161]. Чтение с наслаждением, чтение, утоляющее жажду по новому и отвечающее требовательному вкусу, – вот семантические акценты, которые делает Кюхельбекер в этой записи. Гастрономическая библиометафорика в его дневнике вполне закономерна, он сам объяснял ее истоки: «...вечером читал кое-что в “Picture of Italy”; с особенным удовольствием пробегал я те страницы, в которых описывается народный стол неаполитанцев; люблю итальянский стол да вообще считаю не последним наслаждением жизни лакомиться, если нельзя на самом деле, то по крайней мере – воображением» [Там же. С. 95]. Любитель вкусно поесть, Кюхельбекер в дневнике нередко говорил о том, что накануне «лакомился» (пусть и вполне простыми блюдами) [Там же. С. 243], потому и в метафоре использовал сходный семантический обертон – «книга-лакомство», тем самым акцентно продемонстрировав удовольствие от чтения.

В иной смысловой инструментовке метафора «книга – приятная и легкая пища» намекает на легковесное – любовно-романное содержание текста: «...романы – *пища* довольно *приятная*, но вместе и *слишком легкая для ума и воображения*. Я крепко изленился» [Там же. С. 314]. Запись сделана 5 июня 1834 г., а несколькими днями ранее В.К. Кюхельбекер упоминал, что читал творения В. Скотта и Ф. Купера и сетовал на однообразие лиц и романнных ситуаций: «Есть места прекрасные... но целое, признаюсь, кажется мне довольно обыкновенным, чтоб не сказать пошлым; сцена, правда, довольно нова, да самая-то сказка столь же поношена, как и главный характер. С великодушными разбойниками, кажется, познакомили нас довольно давно Шиллер и мистрис Радклиф...» [Там же. С. 313]. Как видим, несколько негативная оценка книги обусловлена ее копиистским содержанием, шаблонностью стиля; по мысли Кюхельбекера, такое чтение не дает настоящей пищи ни уму, ни сердцу и лишь кратковременно занимает читательское воображение.

В унисон с предыдущими фразами звучит еще одна дневниковая запись. Скрытую метафору «книга-пища» находим в рассказе Кюхельбекера о встрече с давним знакомцем, который настойчиво

советовал прочесть лубочные сочинения: «Приехал сюда новый вахтёр и привез мне поклон от Шапошникова. *Потчевал* он своими книгами, а именно “Милордом Георгом”, “Францылом Венецианом”... однако я их возьму и если и не прочту, то хоть пересмотрю...» [5. С. 387]. В ироничном и даже отстраненно холодном тоне поэта не чувствуется привычной заинтересованности, это тем более странно, что Кюхельбекер всегда был страстным читателем. Однако настойчивое предложение авантюрно-приключенческого романа, каким является «Милорд Георг», видимо, совсем не отвечало вкусам поэта. Напомним, он был очень взыскателен к романам и всегда скрупулезно подходил к оценке их «питательности».

Декабристы действительно были разборчивыми читателями, недаром и до трагических событий 1825 г. и спустя десятилетия они не оставляли литературно-критическую деятельность. Приведем примеры положительной оценки книги, она различима в метафоре, часто встречающейся в их записях: текст / книга – это «пища для ума». Михаил Бестужев так вспоминал о годах, проведенных в Сибири: «В Петровском Заводе мы зажили совсем другою жизнью. Сношение наше с родными уже упрочилось; постоянная переписка чрез дам дала нам возможность не только получать постоянные пособия в деньгах для материального существования, но доставляла *обильную пищу для ума*. Мы с общего согласия выписывали чрез наших родных и самые замечательные современные литературные и политические произведения, и самые лучшие периодические журналы и газеты, как иностранные, так и русские» [9. С. 175]. В.К. Кюхельбекеру тоже известна эта метафора: за пять лет до декабрьского восстания он опубликовал литературно-критическую статью «Взгляд на текущую словесность», в ней будущий декабрист упоминал о журнале «Сибирский вестник», выходившем тогда в Санкт-Петербурге: «Мы уверены, что “Сибирский вестник” – *для ума и здоровья сочная пища*, а для памяти – богатый источник положительных сведений, без коих, по нашему мнению, не можно иметь никакого права на название человека образованного и просвещенного...» [5. С. 442]. Аргументируя высокую степень «питательности» журнала, Кюхельбекер

приводит список вопросов и проблем, на которые откликается издание, и тем самым обогащает знание современника о Сибири: дает ему представление о географических особенностях края, живописно и поэтически «сочно» представляет сибирский пейзаж. В доказательство поэт пространно цитирует журнал: «Какая кисть представит то тусклое, то яркое блистание северных сияний, которые в неподражаемых видах живописуют северный небосклон... и освещают мрачное царство долговременной зимней ночи?» [5. С. 442]. Увы, спустя пятнадцать лет Кюхельбекер ближе познакомится с Сибирью, воочию увидит ее мощную северную красоту.

Подводя итог нашим наблюдениям, мы откажемся от простого перечисления библиометафор, демонстрирующих значимость книжной культуры для декабристов. С нашей точки зрения, важно другое: если более пристально посмотреть на библиометафорику в эпистолярно-мемуарном наследии декабристов, то можно заметить, что метафоры располагаются на своеобразной ценностной «шкале». Ранжирование по ней происходит в зависимости от глобальности проблем, изображенных в произведении, от стиля, оригинальности текста и гениальности автора. Самое высокое положение на этой ценностной шкале занимает «книга-духовная пища». За ней следуют положительные в своей оценке метафоры – «книга-полезная / сочная пища / пища для ума» и эмоциональные метафорические высказывания об изысканной «книге-лакомстве». Менее важным занятием оказывается чтение романов (в частности произведений Ф. Купера), его романы названы «приятной и легкой пищей», и увлечение ими свидетельствует о лениности читателя.

Метафорическая «шкала» демонстрирует, насколько широк был спектр чтения декабристов, она говорит о насущной потребности книжной культуры, стремлении не отстать от веяний времени, показывает интеллектуальные и эстетические предпочтения людей декабристского круга. Вот как обнадеживающе говорил о Николае Кривцове его брат: «...Все завоевания века ему знакомы и близки, и, вернувшись в общество, он будет на одном уровне со всеми, а по существу и выше общего уровня, благодаря размышлениям, которые питали в нем разнообразные перипетии его жизни»

(цит. по: [4. С. 49]). Не будем судить, насколько это удалось декабристам. Важно, что связью с миром, «пищей» для узников была книга, что постоянное вдумчивое чтение было их насущной потребностью, именно в этом признавался М.С. Лунин в письмах из Сибири: «...я перелистываю старые книги. Что делать? Ум требует мысли, как тело пищи...» [14. С. 7].

Литература

1. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. Чтение в жизни «чувствительного героя» // XVIII в. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л. : Наука, 1983. С. 121–142.
2. Шеметова Е.П. Методологические подходы к определению природы и сущностных свойств книги // Книга: Исследования и материалы. Сб. 88 : в 2 ч. М. : Наука, 2002. Ч. 1. С. 84–98.
3. Уиллисон И. Вступительное слово на симпозиуме «История книги и литературных культур» // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 39–40.
4. Дунаева Е.Н. Декабристы и книга. М. : Книга, 1967. 64 с.
5. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л. : Наука, 1979. 789 с.
6. Декабристы-литераторы. М. : АН СССР, 1956. Т. 60, кн. 2. 462 с.
7. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850 гг. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1882. URL: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_p/text_1882_vosp_dekabrista_oldorfo.shtml (дата обращения: 25.11.2018).
8. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. М. : Художественная литература, 1981. Т. 2. 592 с.
9. Воспоминания Бестужевых. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 891 с.
10. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М. : Полиграфкнига, 1990. 292 с.
11. Житие Авраама Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 30–66.
12. Лихачев Д.С. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. 555 с. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2157> (дата обращения: 25.11.2018).
13. Кюхельбекер В.К. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1952. 427 с.
14. Лунин М.С. Письма из Сибири. М. : Наука, 1988. 495 с.

The Metaphor “Book Is Food” in Letters, Diaries and Memories of the Decembrists: Semantic Variants and Axiological Gradation

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 62–74

DOI: 10.17223/23062061/19/5

Nadezhda V. Prodanik, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: omsk.nadezhda@mail.ru.

Keywords: M.A. Bestuzhev, W.K. Kuchelbecker, book metaphor, diary, memoir and epistolary legacy of the Decembrists, metaphor “book is food”.

Modern bibliological research is characterized by an integrative approach to the phenomenon of the book: factual and statistical data are supplemented with philological observations, socio-cultural, historical and semiotic information. In this context, the appeal to book metaphors seems very productive: metaphor is a fundamental category of literary thinking, it conceptualizes the value of the book for the person and the cultural era, the semantic options of book metaphors reflect the dynamics of the person's attitude to print media.

The subject of this study was the metaphor “book is food” and its semantic variations (“text is food for the mind / juicy food / dainty / light and pleasant food”). The material for the study was the diary entries and the epistolary and memoir legacy of the Decembrists of the 1820s–1840s, first of all, the memories of the Bestuzhev brothers and the diary of W.K. Kuchelbecker.

Numerous works of historical literary and historical cultural nature provide statistical data on the reading of the Decembrists. These facts testify to the diverse topics and issues of print media, the wide range of the Decembrists' reading interests, including ancient texts and literary novelties. However, in the author's opinion, the “book is food” metaphor speaks artistically vividly and axiologically specifically on the need for a book culture for readers in prison. On the pages of memories and diaries, this book metaphor is endowed with several semantic overtones: “book is spiritual food”, “book is juicy food for the mind / treat / pleasant and light food”.

These metaphors and metaphoric expressions are located on a peculiar value “scale”. The highest position on it belongs to the “book is spiritual food”, its genesis goes back to the old Russian book metaphor “book is food”, religious in the spirit, and the speech of prisoners preserves religious allusions.

M.A. Bestuzhev and W.K. Kuchelbecker positively evaluate the “book is healthy food / juicy food / food for the mind”; these semantic versions of the book metaphor are most often found in the Decembrists' texts. In addition, W.K. Kuchelbecker's diary has emotional metaphorical statements about a refined “dainty book” – a poetic text; there are judgments about “pleasant and light food” less valuable for a thoughtful reader. The negative evaluation of the book, in this case of the novels, is due to the stereotyped style and author's intention.

The metaphorical “scale” demonstrated the intellectual and aesthetic preferences of people in the Decembrist circle, for whom reading was a need – food, but the quality of this food was necessarily evaluated by a free reader, subjected to judgments of mind and taste. The book metaphor became an expression of the value of the book in the Decembrist circle and demonstrated the axiological gradation of the print media.

References

1. Kochetkova, N.D. (1983) *Geroy russkogo sentimentalizma. Chtenie v zhizni “chuvstvitel'nogo geroya”* [Hero of Russian sentimentalism. Reading in the life of a

“sensitive hero”]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste* [Russian literature of the 18th – early 19th centuries in the socio-cultural context]. Leningrad: Nauka. pp. 121–142.

2. Shemetova, E.P. (2002) Metodologicheskie podkhody k opredeleniyu prirody i sushchnostnykh svoystv knigi [Methodological approaches to determining the nature and essential properties of the book]. In: Sikorsky, N.M. (ed.) *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. Vol. 88. Moscow: Nauka. pp. 84–98.

3. Willison, I. (2005) Vstupitel'noe slovo na simpoziume “Istoriya knigi i literaturnykh kul'tur” [Opening remarks at the symposium “History of the Book and Literary Cultures”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 73. pp. 39–40.

4. Dunaeva, E.N. (1967) *Dekabristy i kniga* [Decembrists and the Book]. Moscow: Kniga.

5. Küchelbecker, W.K. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka.

6. Vinogradov, V.V. (ed.) (1956) *Dekabristy-literatory* [Decembrists-Writers]. Vol. 60(2). Moscow: USSR AS.

7. Belyaev, A.P. (1882) *Vospominaniya dekabristsa o perezhitom i perechuvstvovannom. 1805–1850 gg.* [Memories of the Decembrist about what was experienced and felt. 1805–1850]. St. Petersburg: A.S. Suvorin. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_p/text_1882_vosp_dekabristsa_oldorfo.shtml. (Accessed: 25th November 2018).

8. Bestuzhev-Marlinskiy, A. A. (1951) *Sochineniya: V 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

9. Azadovsky, M.K. (ed.) (1951) *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memories of the Bestuzhev]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. The Russian Bible Society. (1990) *Bibliya: Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta: kanonicheskie* [The Bible: The books of the scriptures of the Old and New Testaments: canonical]. Moscow: Poligrafkniga.

11. Anon. (1997) *Zhitie Avraamiya Smolenskogo* [Life of Abraham of Smolensk]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka. pp. 30–66.

12. Likhachev, D.S. (1999) *Perevodnaya literatura v razvitiy literatury domongol'skoy Rusi* [Translation literature in the development of literature of pre-Mongol Rus]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2157>. (Accessed: 25th November 2018).

13. Küchelbecker, W.K. (1952) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

14. Lunin, M.S. (1988) *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka.